

УДК 357

DOI: 10.31857/S032120680000359-8

ЕЩЁ РАЗ О ГЕОГРАФИИ: НОВАЯ КНИГА Р. КАПЛАНА

© 2018 г. **С.К. Пашкевич***

Статья поступила в редакцию 01.05.2018.

На протяжении трёх десятилетий Роберт Каплан считается одним из самых востребованных американских экспертов и авторов в области политической науки. Основная сфера его научных интересов – геополитика, международные отношения, а также военная стратегия. Его эссе на постоянной основе публикуются в таких изданиях, как "Нью-Йорк таймс", "Вашингтон пост", "Уолл-стрит джорнэл", "Атлантик", "Нэшнл интерест" и "Форин афэрс". В 2012 г. Р. Каплан написал имевшую широкий резонанс во многих странах книгу "Месть географии: что расскажет карта о грядущих конфликтах и битвах с судьбой" [Козлов К.В. 2015]. В разные годы своей карьеры Каплан сотрудничал с ведущими американскими научно-исследовательскими центрами, включая "Стратфор", а также состоял в Совете по оборонной политике при Министерстве обороны США в администрации Барака Обамы. Дважды, в 2011 и 2012 гг. журнал "Форин полиси" включал Роберта Каплана в свой престижный список "100 ведущих мировых мыслителей". Ныне Каплан сотрудничает с аналитическим центром "Юрэйжа груп", специализирующимся на оценке политических рисков, в качестве старшего советника.

В статье даётся анализ его недавно увидевшего свет эссе "Возвращение в мир Марко Поло и американский военный ответ". Особый интерес вызывает тот факт, что первоначально, летом 2016 г., этот материал был подготовлен Капланом для Управления комплексных оценок – влиятельного аналитического центра, входящего в структуры Пентагона, и уже затем был открыт для широкой общественности. Эссе опубликовано в одноимённом сборнике работ Каплана, став его титульным материалом (книга вышла в издательстве "Рэндом хаус" в 2018 году).

Ключевые слова: эволюция американских интересов, военная стратегия США в XXI веке, американская военная политика, геополитические интересы США.

Запад: от единства к разобщённости

В определённом смысле Роберт Каплан – единомышленник Сэмюэла Хантингтона, если говорить о тезисах, выдвинутых последним в его знаменитом философско-политическом трактате "Столкновение цивилизаций". И Каплан, и Хантингтон считают, что история человечества отнюдь не закончилась с завер-

* ПАШКЕВИЧ Сергей Карлович – стипендиат Программы Фулбрайта в России в категории креативная журналистика. Институт международного образования. Российская Федерация, 107031 Москва, Страстной бульвар, 8А (romanotokyo@yahoo.com).

шением холодной войны и победы в ней Запада и западных либеральных ценностей, как было излишне оптимистично и преждевременно декларировано Фрэнсисом Фукуямой в его нашумевшей книге "Конец истории и последний человек". Даже если с большими допущениями признать победу Запада в холодной войне, то говорить о том, что либеральные ценности стали доминирующими в мире, просто невозможно. Скорее, наоборот, с окончанием противостояния Запада и Советского Союза международное сообщество начало возвращаться к старым как мир геополитическим парадигмам, для которых холодная война была лишь эпизодом.

Именно об этих древних парадигмах и идёт речь в работе Каплана с говорящим названием "Возвращение в мир Марко Поло и американский военный ответ". Что же навело автора на довольно неожиданные параллели между XXI и XIII столетиями? Почему, по его мнению, современность всё больше начинает напоминать тот мир, в котором путешествовал на Восток знаменитый венецианский купец, официальный папский посланник в Китай и, как утверждают некоторые исследователи, шпион? Признавая буквально в первой строчке своего эссе, что "ещё никогда в истории западная цивилизация не находилась на столь высоком уровне геополитического могущества", Каплан одновременно выдвигает тезис о том, что Запад сейчас входит в период "распыления". Не упадка, не увядания, а именно распыления. По его мнению, "Запад, по крайней мере, как чётко идентифицируемая геополитическая сила, теряет свою определённость... и, как цивилизационная концепция уже некоторое время находится в кризисе" [Kaplan R. 2018: 6]. Победно завершив то, что автор называет "долгой европейской войной", охватывающей период 1914–1989 гг., Запад в лице США и Западной Европы вместо того, чтобы распространить свои ценности на весь мир и действительно достичь "конца истории", остановился на рубежах Восточной Европы. Бывшие страны Варшавского договора, а также страны Балтии вошли в НАТО и Европейский Союз, но на этом наступательный геополитический запал Запада был исчерпан.

Более того, достигнув исторического пика величия, западная цивилизация, по мнению Каплана, начала утрачивать свою идеологическую и, как следствие, геополитическую целостность, свойственную эпохе холодной войны. Фактически речь идёт о возвращении к реальности *Mare Nostrum*, как называли римляне Средиземное море. Ведь именно его берега стали колыбелью европейской цивилизации в античный период, отсюда и его название – "Наше море". Территория современных Туниса, Ливии, Египта, Кипра, а также Леванта (в узкой трактовке этого понятия, включающего Сирию, Палестину и Ливан), не говоря уже о собственно Греции, Италии, Франции, Испании и Малой Азии, всё это было единой цивилизационной общностью, объединявшей эллинский и римский миры. Ныне же, когда потоки беженцев из этих территорий заполняют страны Запада, речь идёт, по мнению Каплана, о возвращении той поры, когда Западная Европа, Северная Африка и Ближний Восток были одной большой цивилизацией. Получается, что происходящее с мигрантами сегодня – это лишь возвращение к прошлой реальности, былой норме, когда Италия и Ливия были частями единой культуры? Другое дело, что это движение сегодня одностороннее: с Юга – на Север. Южные народы и религиозно, и культурно отличаются от северных. Трудно говорить о единой цивилизации в таком контексте. В этом заключается и то самое каплановское "распыление" Запада: идентичность, достигнутая в после-

военный период и формально выраженная в создании НАТО и Евросоюза, начинает утрачиваться. Географическое расширение не ведёт к общности. Более того, на смену единству приходит разобщенность, что объективно ослабляет страны Запада в геополитическом смысле. Чёткие границы эпохи холодной войны, символом которой стала Берлинская стена, сегодня размываются. А с ними размываются и устои западной цивилизации, которая испытывает весьма слабо контролируемый массовый приток мигрантов из мусульманских стран. Мигрантов, далеко не всегда принимающих ценности Запада в целом и, более того, зачастую не особенно дружелюбно их воспринимающих в рамках сосуществования разных культур.

Та античная Европа в версии 2.0, которая формируется ныне, – это отнюдь не синоним Западной Европы второй половины XX века. Как отмечает Каплан, "Европа, какой мы её знаем, начинает исчезать, – и продолжает, – сам факт того, что курсы по изучению западной цивилизации в большинстве американских университетов становятся менее востребованными и более противоречивыми, говорит о возросшем влиянии мультикультурализма в мире, где космополитические тренды имеют всё большее значение" [Kaplan R. 2018: 6].

Новая геополитическая реальность

По мере исчезновения Европы начинает проступать Евразия. Что же скрывается за этим утверждением Каплана, когда он характеризует новые реалии нашего времени? Автор "ни в коей мере", как он сам признаёт, не имеет в виду, что территория Евразии оформляется в некую единую политическую организацию или общность. Речь даже не идёт о том, что эта общность будет более или менее стабильным образованием. Напротив, сейчас происходит возврат к той Евразии, какой она была большую часть средневековья и отчасти даже поздней античности: необъятной территорией, в разных краях которой располагались Оттоманская, Персидская, Российская и Китайская империи.

Эти империи могли сосуществовать друг с другом и воевать при этом. Они могли враждовать и одновременно торговать. Вот почему автор обращается к той далекой эпохе, когда Марко Поло совершил своё легендарное двадцатичетырёхлетнее путешествие в Китай, проводя параллель с современностью. И наряду с этими возрождающимися империями существует Запад, как ещё одна великая и самодостаточная цивилизация, ценностно объединяющая Северную Америку и Западную Европу. Объединяющую, но всё же состоящую из двух этих частей, у которых в будущем могут быть весьма разные пути. Именно такой мир, именно такая новая геополитическая реальность и формируется, по мнению Каплана, прямо сейчас. Всё это он характеризует популярным в политической философии термином "Мировой остров", изначально сформулированным в начале XX века британским географом Хэлфордом Маккиндером¹ и описыва-

¹ Маккиндер изложил геополитическую концепцию, согласно которой определяющим моментом в судьбе народов и государств является их географическое положение. Он утверждает, что для государства самым выгодным географическим положением было бы срединное, центральное положение. Центральность – понятие относительное, и в каждом конкретном географическом случае оно может варьироваться. Но с планетарной точки зрения в центре мира лежит Евразийский континент, а в его центре – "сердце мира", или *Heartland*. *Heartland* – это сосредоточение континентальных масс Евразии. Это наиболее благоприятный географический плацдарм для контроля надо

ющим Евразию и Африку. В этом – суть "распыления" Запада, а именно вхождения Западной Европы в "Мировой Остров", как его отдельной территории. Роберт Каплан при этом делает принципиальное утверждение: Соединённые Штаты всегда были и останутся в дальнейшем за пределами этого гигантского геополитического острова, будучи его самодостаточной периферией и фактически противовесом. Сам Каплан называет этот остров "Афро-Евразией". Безусловно, можно спорить о том, насколько гипотеза Каплана о формировании этой "Афро-Евразии" справедлива, но не признавать за этим автором оригинальности мышления и нетривиальности суждений невозможно.

Парадоксально, но механизмом, запустившим процесс возвращения к геополитической реальности средневековья, стала глобализация, детище современных технологий. Океанские суда и реактивные самолёты, порты и аэропорты, туннели и мосты, наконец, оптоволоконные кабели, интернет и *GPS* – всё это стало тем инструментарием, который, как считает автор, сделал далекие страны ближе, а мир в целом – меньше. Меньше, но не безопаснее. Более тесным, но не единым.

Империи прошлого – в новом свете

Итак, основной тезис Каплана – мир XIII столетия, по которому путешествовал Марко Поло, поразительно напоминает нынешний мир. На Западе – по-прежнему западноевропейская цивилизация, на Востоке – по-прежнему Китай. Между ними лежат земли, исторически входившие во владения Оттоманской и Персидской империй. К югу лежит, как он выражается, "геополитический остров" Индия. К северу – земли огромной Российской империи. И все эти территории, что тогда, что сейчас, соединены Шёлковым путём, представляющим собой, как в прошлом, так и в настоящем, не единую магистраль, а, скорее, довольно плотно переплетённую сеть торговых коммуникаций – сухопутных и морских.

Турция под руководством президента Эрдогана геополитически всё дальше уходит от Запада по направлению к своему традиционному пути, которому следовала Порта в средние века. Каплан называет этот своеобразный дрейф её естественным состоянием. Это новая региональная держава, грезящая о своём великом прошлом и обладающая определённым, хотя и ограниченным географическим потенциалом в будущем.

По контрасту, современный Иран, наследник Персидской империи, не будет, с точки зрения автора эссе, обладать необходимой динамикой в развитии, чему виной сдерживающий его развитие фундаменталистский режим аятолл. При этом Каплан отмечает, что Иран, будучи единой страной, не распадётся подобно "искусственным государствам Леванта", как он называет некоторые страны Ближнего Востока. Он конкретизирует свой тезис следующим образом: "карта, на которой расположены бывшие Ирак и Сирия, в чём-то всё больше бу-

всем миром. Евразия является ключевой территорией – в пределах Мирового Острова. В Мировой Остров Маккиндер включает Евразию и Африку. Таким образом, Маккиндер иерархизирует планетарное пространство через систему концентрических кругов. В самом центре – "географическая ось истории" или "осевой ареал". Это геополитическое понятие географически тождественно России. Та же "осевая" реальность называется *Heartland* – "земля сердцевины" [Mackinder H. J.].

дет напоминать детские рисунки, где шиитские и суннитские банды то расширяют, то утрачивают подконтрольные им территории... кроме того, в национальных интересах Турции и Ирана – хотя Анкара и Тегеран могут в этом публично не признаваться – будет сохранение хаоса, разделения в арабском мире и натравливание арабов друг на друга. Поэтому даже коллапс ИГИЛ и сохранение или уничтожение режима Б. Асада ни в коей мере не приведут к стабильности в этом регионе" [Karlan R. 2018: 18-19]. В целом Турция и, особенно, Иран из-за того, что там находятся у власти слишком ортодоксальные режимы, порой отпугивающие соседей, сохранят влияние только на своём традиционном региональном уровне: на постсоветском Кавказе и в Средней Азии. Более того, конкретно Ирану Каплан предрекает большие проблемы в плане утверждения своего влияния даже в Средней Азии в силу светскости тамошних режимов, чьи элиты воспитывались ещё в Советском Союзе и которых совершенно не вдохновляет шиитский фундаментализм и религиозный догматизм Тегерана: "стерильная исламская идеология Тегерана отпугивает эти страны, чьи традиции всё ещё испытывают влияние как советского атеизма, так и турецкого синкретизма... именно здесь исламская идеология Ирана входит в противоречие с его доисламскими имперскими традициями" [Karlan R. 2018: 19].

Именно поэтому обе эти страны – "увядающие империи", по мнению автора. А к северу от них лежит Россия, не испытывавшая, как отмечает Каплан, влияния Возрождения и Просвещения и в силу этого не ставшая Западной Европой. Россия "имела при этом трудную историю взаимоотношений с Западом" в виде вторжений шведов, поляков и Тевтонского ордена "и, таким образом, предпочла союз с Золотой Ордой". Именно на таком понимании истории своей страны, полагает автор эссе, основано "евразийство" Владимира Путина, не предусматривающее тёплых чувств по отношению к Западу. По его мнению, Россия в лице Путина воспринимает нестабильный Ближний Восток и прилегающую к нему Восточную Европу как единое пространство. По этой логике, чтобы сохранить собственную геополитическую безопасность, Россия должна быть активным игроком в этом регионе, считая его зоной своих стратегических интересов. Именно поэтому Россия столь сильно сосредоточена на районе Большого Причерноморья: войны в Украине и в Сирии, её вовлечённость на Кавказе, – всё это звенья единой политики Владимира Путина, направленной на укрепление влияния России, в его понимании. "Путин знает, что имперский натиск царей в середине XVII столетия через сердце средневековой Киевской Руси (сегодня это Украина. – С.П.) по направлению к Чёрному морю окупился крупными дивидендами в виде дезинтеграции архиврага России, Польско-Литовского государства" [Karlan R. 2018: 22]. Акватория Чёрного моря – это геополитически столь же важный район, как Южно-Китайское море сегодня или как бассейн Карибского моря в XIX веке. Таким образом, если исходить из позиции Роберта Каплана, то "Украина и Сирия неотделимы от путинского натиска на страны Балтии и Балканы", поскольку для российского президента это всё – "Междуморье" (*Intermarium*) – единое пространство между Балтийским и Чёрным морями в соответствии с геополитической концепцией, разработанной ещё в 1920-е годы прошлого столетия. Для Путина контроль над "Междуморьем", той самой территорией "от финских хладных скал до пламенной Колхиды", – залог безопасности и стабильности России. Отсюда и его противостояние с Западом касательно расширения НАТО на восток. Теперь эта территория стала, как считает Каплан, кон-

фликтной зоной между Соединёнными Штатами и Россией, как ранее это была зона противоречий между Германией и Россией. Таким образом, по мнению автора, "американская мощь в мире будет в значительной степени определяться тем, насколько эффективно станет возможным удерживать Россию от "финляндизации" этого региона" [Kaplan R. 2018: 24]. Скажем, такая внешне незаметная страна, как Болгария, стала примером "гибридного" противостояния Запада, России и Турции. Находясь на самом краю Европы, исторически долгую эпоху Болгария была частью Османской империи, затем вошла в сферу влияния России. Затем, уже в советское время она была самым лояльным членом Варшавского договора. У болгарского и русского языков – единый алфавит, кириллица, а традиционные связи этих стран, конечно, накладывают отпечаток и на их современные отношения. Ныне Болгария формально является членом НАТО и ЕС, однако её институциональная слабость, по мнению Каплана, делает её уязвимой для российского давления в виде управляемой извне организованной преступности и спонсируемых Россией националистических партий. Такое положение вещей порождает коррупцию экономической и политической системы, что, в свою очередь, подтачивает и без того хрупкую болгарскую государственность. Турция же становится ныне крупнейшим инвестором в болгарскую экономику, пытаясь восстановить там своё былое влияние. В результате Каплан делает однозначный вывод в духе *realpolitik*: "Америка может защищать свои интересы, когда они чётко определены, но она не может превратить мир в собственную версию. Иными словами, мы не можем защитить Болгарию – не говоря уже об Ираке или Афганистане – от самих себя" [Kaplan R. 2018: 38].

Китай и Индия: противостояние гигантов

А что же Китай, ещё одна величайшая цивилизация Евразии? Она считается более древней, чем Россия-Русь, Турция-Порта и даже Иран-Персия. Сегодня Китай вновь на подъёме. Как считает Каплан, "в данный момент Китай находится на суше в наиболее безопасном положении за всё время своей истории". И именно сейчас, что логично, Китай начал свою экспансию в Южно-Китайском море, а также воссоздаёт Шёлковый путь – только в его современной интерпретации, в том числе в виде единой магистральной автомобильной и железной дороги протяжённостью почти 3000 километров. Этот суперхайвей тянется из сердца Китая на запад через Синьцзян-Уйгурский автономный район, через горный массив Каракорум и далее через Белуджистанскую пустыню к пакистанскому городу Гвадар на берегах Аравийского моря, где уже имеется глубоководный порт. Стоимость проекта строительства там мощнейшего транспортного хаба со всеми его логистическими системами, включая аэропорт и электростанцию, оценивается китайской стороной в 46 млрд долларов. Это альтернативный Малаккскому проливу путь доставки нефти в Китай из Персидского залива, что, безусловно, имеет стратегическое значение для Пекина. Впрочем, эта гигантская магистраль с портом – лишь часть современного "Шёлкового пути", получившего название «Один пояс – один путь». Именно морские коммуникации – грузоперевозки по морю – имеют ныне первостепенное значение для Китая. Можно с уверенностью утверждать, что сегодня, впервые с эпохи средневековья, Китай вернулся в Индийский океан и экономически, и в военном отношении.

Для России важнейшим моментом здесь могло бы стать следующее заключение Роберта Каплана, сделанное им в контексте анализа китайского влияния на среднеазиатский регион: "Китай будет сдерживать Россию в Средней Азии в большей степени, нежели Соединённые Штаты" [Kaplan R. 2018: 24]. В качестве иллюстрации того, что этот процесс уже набрал обороты, Каплан делится своим наблюдением: "Благодаря китайской экономической и политической поддержке, бывшие советские среднеазиатские республики приступили к усилению собственных государственных институтов и тихому удалению пророссийских элементов из властных структур" [Kaplan R. 2018: 20].

Этот его тезис, если он окажется верным, вполне мог бы стать основанием для самой серьёзной внутрироссийской дискуссии относительно будущей стратегии России в Средней Азии: ныне она, по крайней мере, для внешнего наблюдателя, имеет слишком сильный антиамериканский уклон и фактически игнорирует потенциальные угрозы китайского доминирования в этом регионе. Дальновидно ли это? В подтверждение своего тезиса Каплан приводит тот факт, что уже в 2013 г. Китай значительно опередил Россию по общему объёму товарооборота с пятью среднеазиатскими государствами: 50 млрд долл. против 30 млрд российских. Фактически, речь идёт о вытеснении России в регионе на вторые роли. И это при общем несравнимом экономическом потенциале этих государств! Рост нынешнего китайского влияния Каплан сравнивает с влиянием Китая эпохи Тан (VIII–IX века н.э.), когда Поднебесная была активным игроком во всей Средней Азии, включая даже северо-восток Персии. Параллели Китая сегодняшнего с Китаем "золотого века", как называют эпоху Тан, сравнение исторического "Шёлкового пути" с нынешними торговыми коммуникациями – ещё одна отсылка автора эссе к сумбурному и зачастую мало предсказуемому миру Марко Поло с его множеством региональных игроков на евразийской арене.

Великая цивилизация Индостана, ещё более древняя, чем китайская, исторически всегда была отделена от Поднебесной неприступными гималайскими пиками и Тибетским плато. Однако, как уже отмечалось выше, мир стал более тесным, но при этом не более безопасным. Развитие военных технологий, в частности появление межконтинентальных баллистических ракет сделали Гималаи, по выражению Каплана, "более плоскими". Сегодня индийские ракеты с ядерными зарядами могут поразить города, находящиеся в колыбели китайской цивилизации, к востоку от Сианя, а китайцы, соответственно, могут нанести ядерные удары по всей территории Индии. При этом Китай и Индия ныне соединены сухопутными торговыми путями, пролегающими через Тибет, Непал и Западную Бенгалию. Парадоксально, замечает автор, но эти же на данный момент мирные дороги "могут быть использованы китайскими танковыми армадами для вторжения в глубь Индостана", ещё раз подчёркивая: большая доступность ранее удалённых территорий не означает большей безопасности.

Каплан делает интересное наблюдение: в то время как в Нью-Дели всегда рассматривали Афганистан в контексте Большой Индии, растянувшейся от Иранского плато на западе до джунглей Мьянмы на востоке, что говорит о "горизонтальной географии индийского влияния", имеющего в виду ныне даже Персидский залив на дальнем западе, экспансия Китая происходит вертикально, в сторону Южно-Китайского моря и Индийского океана с контролем торговых морских путей вплоть до Африки. Здесь-то, на перекрестке этих горизонтальных и вертикальных линий, и расположены потенциальные конфликтные точ-

ки между двумя великими цивилизациями. Например, Индия сейчас строит морской порт в городе Чабахар в иранском Белуджистане. В случае реализации данного проекта Чабахар станет конкурентом китайско-пакистанского порта Гвадар. Их разделяет всего 150 километров. Между прочим, на этом примере хорошо прослеживается многовекторность политики Ирана, который, всячески развивая связи с Китаем в рамках стратегического проекта "Один пояс – один путь", параллельно выстраивает прочные экономические связи с его архиврагом – Индией.

США: оплот стабильности в нестабильном мире?

Роберт Каплан полагает, что Америка, будучи крупнейшим геополитическим островом за пределами "Афро-Евразии", представляет собой противовес ей на глобальном уровне, доминируя в Западном полушарии и выстраивая систему союзов в Восточном. Здесь он проводит параллели с политикой "блестящей изоляции" (*splendid isolation*) Великобритании², чьей целью в своё время было недопущение чрезмерного усиления одной из держав в Европе. Ныне, по мнению Каплана, у Соединённых Штатов вырисовываются схожие цели – но уже в отношении Евразии. Он полагает, что приоритетом США является "удержание негосударственных агентов (или государств) от сотрудничества с негосударственными агентами, от агрессивных планов и действий, направленных против Соединённых Штатов или их союзников" [Kaplan R. 2018: 41].

Для начала он предлагает сформулировать геополитический статус Америки и её стратегические интересы. Каплан определяет Соединённые Штаты, в силу их географического положения, как глобальную морскую державу, цель которой – поддержка свободной торговли по всему миру, поскольку именно это составляет основу её экономического и военно-политического могущества. Учитывая, что большая часть международной торговли осуществляется по морю, целью США, как ранее Британской империи, становится обеспечение свободы мореплавания. Здесь стратегическое значение имеют Персидский залив с Ормузским проливом, Малаккский пролив, а также Суэцкий и Панамский каналы: именно через них пролегают крупнейшие транспортные пути, по которым перевозятся нефть и другие продукты первостепенной важности.

При этом Каплан отмечает регрессию двух факторов, что может нанести ущерб ныне ведущей роли США в мире. Во-первых, после Второй мировой войны Америка была единственной крупной державой, чья инфраструктура почти не пострадала в результате военных действий. Во-вторых, долгое время США обладали огромным и очень ёмким внутренним рынком, который гарантировал устойчивость национальной экономики и её сравнительно небольшую зависимость от глобальной конкуренции. Ныне оба этих фактора уже не имеют былого значения. Первый вообще полностью сведён на нет, а значение второго существенно ослабло с развитием международного разделения труда и открытием американского рынка импорту. Однако, считает Каплан, несмотря на "эрозию"

² Внешнеполитический курс Великобритании второй половины XIX века, суть которого состояла в отказе страны от длительных союзов с другими державами и сохранении полной свободы действий с целью добиться гегемонии в европейской и мировой политике [Дипломатический словарь. М.: Наука, 1984, т.1, с. 137].

этих стратегических конкурентных преимуществ, дела у основных американских геополитических соперников, Китая и России, обстоят в целом значительно хуже. По его мнению, "у них имеются этнические, политические и экономические проблемы фундаментального, структурного характера, по сравнению с которыми наши трудности кажутся незначительными. Их стабильность и само существование как единых государств в будущем выглядят сомнительно, чего не скажешь об Америке" [Kaplan R. 2018: 39]. Каплан подчёркивает, что государственность в Евразии в целом ослабевает на фоне нескончаемой череды экономических кризисов и политических потрясений. А вот Соединённые Штаты, энергетически самодостаточные и защищённые от остального мира двумя океанами и Канадской Арктикой, обладают пространством для геополитического манёвра, которого нет у этих евразийских держав. Кроме того, по его мнению, Соединённые Штаты, хотя и отделённые бескрайними просторами Тихого океана от Восточной Азии, имеют там репутацию "честного брокера", к которому обращаются страны региона за политическим посредничеством. Это связано с тем, что у США, в силу их географической удалённости, нет никаких территориальных притязаний (чего не скажешь, например, о Китае) и в целом по той же причине нет возможности доминирования там. Получается, Америка, будучи мощной, но удалённой державой, выступающей в поддержку свободной торговли, от которой зависят все региональные экономики в Восточной Азии, может выступать там в роли третейского судьи. Ключевым же инструментом проекции американской силы в Евразии, будь то Тихий или Индийский океан, является её военно-морская мощь. При этом сухопутные войска будут вторичны по отношению к морской и воздушной мощи США. Причина здесь, с точки зрения автора эссе, проста: "вторжение означает управление". Таким образом, оккупация тех или иных участков Евразии влечёт за собой крайне большие во всех смыслах – политическом, экономическом, военном – издержки, ярким примером чего представляется Вьетнам в прошлом и Ирак после 2004 года. А вот опыт отношений с Японией после окончания её оккупации в 1952 г., по мнению Каплана, как раз можно считать образцом того, как Соединённые Штаты должны вести себя в будущем: быть "державой статус-кво", оказывая влияние издали и не вмешиваясь во внутренний политический процесс [Kaplan R. 2018: 41].

Крупномасштабное сухопутное вторжение и последующая долговременная оккупация тех или иных районов мира могут быть оправданы только в случае угрозы не просто национальной безопасности, а самому существованию Соединённых Штатов, считает Каплан.

Таким образом, стратегическая цель Америки – поддержание геополитического баланса в Евразии, чтобы не допустить доминирования одной из евразийских держав в Восточном полушарии. Надо сказать, что на данном этапе это достигнутая – и вполне жизнеспособная на будущее – цель, учитывая трудноустраняемые противоречия между ведущими игроками на евразийской площадке. Например, российско-китайский союз, ныне усиленно декларируемый стратегическим и Москвой, и Пекином, таковым, по мнению автора книги, вероятно, не является. Россия, по-видимому, интересуется Пекин исключительно как стабильный поставщик природных ресурсов и как младший, учитывая размеры и структуру российской экономики, а вовсе не равноправный партнёр. Отношениям Пекина и Москвы, сложившимся в богатой энергетическими ресурсами Средней Азии, Каплан даёт следующую оценку: "Россия, с учётом состояния её

стагнирующей экономики, загнана в этом регионе в угол. Китай же, со своими автомобильными и железными дорогами, мостами, туннелями и трубопроводами напоминает эпоху империи Тан VIII и IX столетий, когда влияние этой державы распространялось на всю Среднюю Азию и вплоть до северо-восточного Ирана" [Kaplan R. 2018: 21]. Получается, что нынешний жёсткий антизападный курс Москвы, ограничивающий пространство её собственного геополитического манёвра в двусторонних отношениях с Пекином, вполне возможно, устраивает Китай: это гарантирует ему спокойствие на своих северных рубежах и жёстко привязывает к себе Россию.

Новая Пелопонесская война?

Заглядывая в будущее, Роберт Каплан отмечает, что только Соединённые Штаты, Россия и Китай смогут продолжать военные действия даже после тяжёлого военного поражения или обмена ракетными ударами. Учитывая, что, как он считает, Россия и Китай представляют собой "диктатуры", в случае военных действий их лидерам будет с политической точки зрения значительно труднее завершить военные действия, нежели американскому президенту, потому что это может означать для них угрозу не только их политической власти, но и физической безопасности. Именно поэтому США также должны демонстрировать решимость продолжать сражаться до "смены режима" в Пекине или Москве. Ведь именно такая решимость, именно сила, а не слабость могут стать фактором сдерживания. Слабость или даже кажущаяся слабость провоцирует оппонента на агрессию, потому что в этом случае он будет полагать, что способен одержать победу в результате военных действий. Другое дело, что такая смена режима может привести не только к лучшему, но и к худшему для Америки варианту развития событий. Каплан называет и Владимира Путина, и Си Цзиньпина прагматиками, "активными, но не сумасшедшими", после которых к власти могут прийти иррациональные лидеры. В целом Каплан считает, что и в России, и в Китае авторитарные режимы находятся в состоянии упадка, причём это происходит на фоне растущих этнических и экономических проблем, что объективно не будет их усиливать. Таким образом, положение Китая и России, по мнению Р. Каплана, выглядит ненамного выгоднее положения Турции и Ирана.

В заключение он, вновь возвращаясь к своему тезису, что современные технологии сделали мир меньше, но не безопаснее, приводит в пример Пелопонесскую войну между Афинами и Спартой. Она началась из-за локального конфликта между небольшими городами-государствами Керкирой и Потидеей, что затем привело к крупномасштабным военным действиям.

Наш объединённый глобализацией цифровой мир, считает Роберт Каплан, во многом напоминает мир греческих полисов: технологии ныне кардинальным образом сократили расстояния и любой локальный конфликт в Евразии, будь то Южно-Китайское море или Балтика, легко может превратиться в глобальный, как это произошло в Древней Греции, пусть и в масштабах эллинской ойкумены: "благодаря тому, что технологии поглощают пространство, Евразия в целом ныне выглядит столь же зависимой от конфликтов системой, как и города-государства Древней Греции" [Kaplan R. 2018: 45]. Такой эскалации Соединённым Штатам следует избегать, попутно решая то, что Каплан, по аналогии с "Восточным вопросом" позапрошлого века, называет "Евразийским вопросом": что

делать в геополитически турбулентной ситуации, как избежать международной анархии, когда евразийские империи прошлого начинают ослабевать?

Список литературы

Козлов К.В. 2015. От географии до геополитики: две книги о роли географии в международных отношениях // США ❖ Канада: экономика, политика, культура, № 4, с. 76-92.

References

Kaplan Robert D. 2018. The Return of Marco Polo's World. War, Strategy, and American Interests in the Twenty-First Century. New York, Random House, 320 p.

Kaplan Robert D. 2012. The Revenge of Geography: What the Map Tells Us About Coming Conflicts and Battle Against Fate. New York, Random House, 403 p.

Kozlov K.V. 2015. Ot geografii do geopolitiki: dve knigi o roli geografii v mezhdunarodnykh otnosheniakh [From Geography to Geopolitics: Two Books on the Role of Geography in Foreign Affairs] // USA ❖ Canada Journal, No. 4, p. 76-92.

Mackinder H.J. 1904. The Geographical Pivot of History // The Geographical Journal, vol. XXIII, No. 4, p. 421-437 / Reprinted Kindle edition. N.Y., 2017, 39 p.

Readers' Deliberations

Once Again on Geography: A New Book by R. Kaplan

(USA & Canada Journal, 2018, no 8, p. 53-63)

Received: 1.05.2018

PASHKEVICH Sergey Karlovich, A Fulbright Scholar Program 2017 grantee in 'Creative Journalism'.

For the past three decades, Robert Kaplan, one of the most prominent American experts, wrote quite a number of political bestsellers. His main scientific interests include geopolitics, international relations, and military strategy. He regularly publishes his essays in The New York Times, The Washington Post, The Wall Street Journal, Atlantic, National Interest and Foreign Affairs. In 2012, R. Kaplan wrote a book the title of which was "The Revenge of Geography: What the Map Tells Us about Coming Conflicts and Battles with Fate". The book had a wide resonance in many countries. During his career, Kaplan worked for leading American research centers, including Stratfor. He also served in the Defense Policy Council under the U.S. Department of Defense during the Obama presidency. Twice, in 2011 and 2012 "Foreign Policy" journal included Robert Kaplan in his prestigious list of "100 leading world thinkers". Now Kaplan works for the Eurasia Group analytical center. His sphere of interest includes but is not limited to political risks assessment.

The article analyzes his essay "Return to the World of Marco Polo and the American Military Response" recently published by "Random House".

Keywords: *the evolution of American interests, the U.S. military strategy in the 21st century, American military policy, U.S. national interests.*